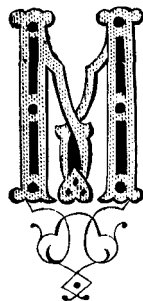

Встрѣча съ сыномъ Шамиля и его разказы объ отцѣ.

I.

Встрѣча съ генераломъ Магометъ-Шефи-Шамилемъ въ Кисловодскѣ.—Первое знакомство съ нимъ въ 1860 году, въ Калугѣ.—Встрѣча В. П. Далматова съ Шамилемъ у меня.—Особенное вниманіе горцевъ къ сыну Шамиля.—Имѣніе, пожалованное императоромъ Александромъ II Шамилю-отцу.—Вторая женитьба Магометъ-Шефи.—Служба въ конвоѣ.—Просьба сына Шамиля въ турецкую войну.—Нечаянная встрѣча генерала Шамиля съ императоромъ Александромъ III.—Безвыходное положеніе и услуга портнаго.—Шамиль-самозванецъ въ Парижѣ.

Моя статья въ августовской книжкѣ «Вѣстника Европы», 1898 года, «Поѣздка къ Шамилю въ Калугу», послужила поводомъ къ новой встрѣчѣ съ сыномъ бывшаго кавказскаго имама, генераломъ Магометъ-Шефи, единственнымъ изъ трехъ сыновей Шамиля, вступившимъ на русскую службу и проживающимъ въ Россіи. Встрѣча эта произошла при слѣдующихъ обстоятельствахъ.

Лѣтомъ 1899 года, я жилъ въ Кисловодскѣ. Просматривая, однажды, въ «Сезонномъ Листкѣ», списки лицъ, пріѣхавшихъ лѣчиться на минеральныя воды, я прочелъ въ этомъ списокѣ и имя генерала Магометъ-Шефи-Шамиля, прибывшаго въ Кисловодскѣ. Такъ какъ я встрѣчалъ его назадъ тому 38 лѣтъ, въ Калугѣ, когда онъ былъ еще 15-ти-лѣтнимъ юношей, то меня очень интересовало, конечно, встрѣтиться съ нимъ вновь—при совершенно другихъ обстоятельствахъ. Нѣсколько дней спустя, я съ нимъ, дѣйствительно, и встрѣтился. Это произошло такъ. Я и генералъ В. А. Потто сидѣли въ паркѣ и разговаривали о прошломъ Кавказа.

— Вотъ, кто многое могъ бы поразсказать о бывшихъ герояхъ Кавказской войны,—сказаль вдругъ Василій Александровичъ,—и указаль въ сторону подходившаго къ намъ, еще нестарого, генерала, очень полнаго блондина съ рыжеватою подстриженною бородою, высокаго роста и атлетическаго тѣлосложенія, въ которомъ я никакъ не могъ бы признать того, небольшого роста, безъусаго юношу, котораго встрѣчалъ въ Калугѣ. Оказалось, это и былъ средній сынъ Шамиля, Магометъ-Шефи.

Василій Александровичъ представиль насъ другъ другу, и генераль Шамиль тотчасъ же спросиль меня:

— Это не ваша ли статья была напечатана въ «Вѣстникѣ Европы», въ прошломъ году, о моемъ отцѣ?

Я отвѣчалъ утвердительно.

— Очень радъ, что съ вами встрѣтился, — сказалъ Магометъ-Шефи,—и имѣю возможность поблагодарить васъ лично за эту статью. Въ ней нѣтъ ничего выдуманнаго—какъ, напримѣръ, въ статьѣ бывшаго пристава при моемъ отцѣ, полковника Пржецлавскаго.

Генераль говорилъ ломанымъ русскимъ языкомъ, какимъ, обыкновенно, говорятъ наши горцы, не бывшіе въ русскихъ учебныхъ заведеніяхъ, но его рѣчь была правильная и округленная. Далѣе онъ продолжалъ:

— Я лѣчилъ въ прошломъ году морскими ваннами въ Кеммернѣ, и въ это время генераль С. прислаль мнѣ книжку журнала съ этою вашею статьею.

Въ дальнѣйшемъ разговорѣ, я спросиль его: помнитъ ли онъ, какъ я и нѣсколько другихъ офицеровъ окружили его въ одной изъ боковыхъ залъ калужскаго дворянскаго собранія и просили вынуть изъ ноженъ и показать намъ кинжалъ?

— Чуть помню,—отвѣчалъ генераль.

Съ того времени, мы стали, почти ежедневно, встрѣчаться въ Кисловодскомъ паркѣ и разговаривать. Затѣмъ, стали и бывать другъ у друга. Однажды, Магометъ-Шефи засталъ у меня извѣстнаго артиста В. П. Далматова.

— Мы немножко знакомы,—сказаль генераль артисту; когда вы были въ Казани, я наслаждался вашею игрою въ театрѣ.

В. П. поблагодариль за любезность и прибавиль:

— А я вамъ, генераль, былъ очень обязанъ тогда за черкесскій костюмъ. Вашъ сынъ ¹⁾ выручилъ меня, однажды, доставъ вашу черкеску, которая была нужна мнѣ въ одной пьесѣ.

¹⁾ Сынъ генерала Шамиля живетъ въ Казани же, при отцѣ, состоитъ чиновникомъ особыхъ порученій при тамошнемъ губернаторѣ и павѣстенъ за большаго любителя театра. И. З.

— Да, да, помню. Сынъ пришелъ ко мнѣ и говорить: дай, папа, артисту Далматову свою черкеску; она ему необходима на сценѣ, а ни у кого въ Казани ея нѣтъ. Она вамъ не была мала? — улыбаясь, спросилъ генераль.

— Какое, мала! пришлось дѣлать складки, — смѣясь, отвѣчалъ г. Далматовъ, мущина, тоже, не худенькій.

Въ концѣ августа, Магометъ-Шефи-Шамиль уѣхалъ изъ Кисловодска. Наступила зима; я жилъ въ Петербургѣ. Однажды, въ рождественскій сочельникъ, я слышу, кто-то въ передней спрашиваетъ служанку, дома ли я? Оказалось, это былъ генераль Шамиль, разыскавшій меня въ Питерѣ. Онъ пріѣхалъ на цѣлый мѣсяцъ и жилъ въ Офицерскомъ собраніи, на Литейной, гдѣ я потомъ и посѣщалъ его. И вотъ, во время этихъ нашихъ свиданій, какъ и въ Кисловодскѣ же, Магометъ-Шефи-Шамиль рассказывалъ мнѣ очень много о своемъ знаменитомъ отцѣ.

Я нахожу небезынтереснымъ привести здѣсь часть этихъ рассказовъ—главнымъ образомъ, то, что можетъ служить поправками къ невѣрнымъ свѣдѣніямъ, напечатаннымъ, какъ о самомъ имамѣ Шамилѣ, такъ и объ его семьѣ, а равно и такіа свѣдѣнія, которыя не были напечатаны вовсе.

Но прежде скажу нѣсколько словъ о пребываніи генерала Шамиля въ Кисловодскѣ, такъ какъ это тоже представляетъ нѣкоторый интересъ, какъ увидятъ читатели.

За все время своего пребыванія на Кавказскихъ минеральныхъ водахъ, Магометъ-Шефи-Шамиль былъ, можно сказать, самымъ популярнымъ человѣкомъ: имъ всѣ пріѣзжіе въ Кисловодскъ очень интересовались, какъ сыномъ человѣка, которому такъ еще недавно принадлежала часть этого Кавказа, который былъ полновластнымъ владыкою горцевъ, имѣвшимъ право на ихъ жизнь и смерть, и который 25 лѣтъ велъ неустанную войну съ Россіей, считавшеюся самымъ могущественнымъ военнымъ государствомъ въ мірѣ. Еще болѣе, чѣмъ пріѣзжіе на воды, интересовались сыномъ Шамиля горцы. Какъ только прошелъ по Кисловодску и сосѣднимъ ауламъ слухъ, что сынъ Шамиля пріѣхалъ на Кавказъ, и объ этомъ узнали ближайшія горскія племена—кабардинцы, карачаевцы и другія,—то вскорѣ же въ аллеяхъ Кисловодскаго парка стали появляться совсѣмъ необычные посѣтители водъ: можно было встрѣтить согбенныхъ уже, но все еще статныхъ и величавыхъ стариковъ - горцевъ, въ ихъ живописныхъ національных костюмахъ, выжидавшихъ возможности взглянуть «на сына Шамиля»... И Богъ вѣсть, какое чувство западало въ душу этихъ бывшихъ героевъ, закалившихся въ своей давно минувшей, героической, чисто-легендарной борьбѣ съ Россіей, когда передъ ними проходилъ сынъ ихъ бывшаго духовнаго владыки и неограниченнаго свѣтскаго повелителя,

одѣтый, обыкновенно, въ военную тужурку съ генеральскими погонами!..

Генераль Магометъ-Шефи не могъ, конечно, не замѣчать этого страстнаго любопытства, возбуждаемаго имъ въ горцахъ. Все дѣло, впрочемъ, только и ограничивалось этимъ безмолвнымъ—и совершенно безвреднымъ—созерцаніемъ: горцы никогда не рѣшались заговорить съ генераломъ, или разспрашивать его о чемъ-нибудь... Самъ генераль тоже никогда ихъ не останавливалъ и не заговаривалъ съ ними. Разъ только при мнѣ, ему встрѣтилась цѣлая семья довольно, повидимому, богатыхъ кабардинцевъ въ ихъ національных костюмахъ, но безъ чадръ у женщинъ, т. е. съ открытыми лицами, состояшая изъ двухъ женщинъ и дѣтей, и онъ заговорилъ съ ними на туземномъ нарѣчій: спросилъ ихъ, изъ какого онѣ аула и зачѣмъ пріѣхали?.. Оказалось, что кабардинки лѣчили въ Пятигорскѣ, а затѣмъ пріѣхали доканчивать свое лѣченіе въ Кисловодскъ. Самъ Магометъ-Шефи пріѣхалъ на воды изъ Казани, тоже ради лѣченія; онъ пользовался, собственно, эссентукскими водами, которыя пилъ, живя въ Кисловодскѣ и купаясь въ Нарзанѣ. Ничто другое не призывало его на Кавказъ и не связывало съ нимъ.

Изъ всѣхъ его родныхъ проживалъ на Кавказѣ лишь одинъ его шурина—Абдурахимъ, женатый на дочери Шамиля, Фатиматъ, давно уже умершей. Абдурахимъ, бывшій тоже на русской службѣ, имѣлъ чинъ подполковника, получалъ пенсію и жилъ «на своемъ хозяйствѣ» въ Казанѣ.

У генерала же Шамиля никакого имѣнія на Кавказѣ не было. Его покойному отцу императоръ Александръ II «подарилъ» въ Дагестанѣ (нынѣшняя Дагестанская губернія), въ Аварскомъ округѣ, селеніе (аулъ) Гимры, гдѣ, именно, и родился имамъ, «съ прилежащими къ нему землями»; но съ этимъ высочайшимъ даромъ случилась исторія. Когда Шамиль, въ 1870 году, отправился въ Мекку, то поручилъ управленіе этимъ обширнымъ имѣніемъ своему родственнику (племяннику), Джемаль-Эдину, съ тѣмъ, чтобы половину доходовъ тотъ бралъ бы себѣ, въ вознагражденіе за труды по управленію имѣніемъ, а другую половину отдавалъ бы на содержаніе спроть, дѣтей воиновъ, какъ русскихъ, такъ и черкесовъ, убитыхъ въ сраженіяхъ во время Кавказской войны. Затѣмъ, прошли долгіе годы; умеръ Шамиль, равно и умеръ и Джемаль-Эдинъ,—и вотъ, въ этомъ лишь году, генераль Магометъ-Шефи, пріѣхавъ въ Петербургъ, возбудилъ ходатайство о возвращеніи ему высочайше пожалованнаго его отцу имѣнія, находящагося во владѣніи наслѣдниковъ Джемаль-Эдина. Имѣніе это довольно цѣнное: его пресованные фрукты—персики, абрикосы и пр., въ коли-

чествѣ нѣсколькихъ тысячъ пудовъ, идутъ по всей Россіи, и преимущественно въ Москву и Петербургъ.

Въ настоящее время, генераль Магометъ-Шефи-Шамиль, продолжая числиться въ Конвоѣ Его Величества, состоитъ въ распоряженіи командующаго войсками Казанскаго военнаго округа и проживаетъ постоянно въ Казани. Въ Казани же Шамиль и женился, такъ какъ его первая жена, Амминатъ, дочь Чохскаго наиба, въ Дагестанѣ, Энькоу-Хаджію, умерла тоже въ Калугѣ, не перенеся тамошняго климата. Магометъ-Шефи женился на ней еще до своего плѣна, именно въ 1858 году, когда ему, жениху, было всего только 13 лѣтъ, а не-вѣстѣ—12-тъ. Теперешняя супруга генерала Шамиля—дочь именитаго казанскаго мурзы; у нихъ двѣ дочери—красивыя молодыя дѣвушки,—судя по портретамъ, которые мнѣ довелось видѣть у ихъ отца.

Магометъ-Шефи-Шамиль принялъ присягу на вѣрноподданство ранѣе, чѣмъ всѣ остальные члены семьи,—и уже въ 1863 году былъ зачисленъ въ Конвой. Въ сентябрѣ 1866 года, на парадѣ, бывшемъ въ день свадьбы наслѣдника-цесаревича Александра Александровича, молодой Шамиль подъѣзжалъ, въ качествѣ ординарца отъ Конвоя Его Величества, къ государю Александру II; затѣмъ, вечеромъ, во время торжественнаго бала, въ Зимнемъ дворцѣ, на которомъ присутствовалъ и старшій Шамиль, государь, подойдя къ нему, сказалъ: «я сегодня любовался твоимъ сыномъ—какимъ онъ молодцомъ былъ на конѣ».

Во время послѣдней нашей войны съ турками, Магометъ-Шефи былъ уже полковникомъ. Желая доказать свою преданность государю и своему новому отечеству, онъ, однажды, обратился къ императору съ просьбою—послать его на мѣсто военныхъ дѣйствій въ Турцію; но покойный Александръ II, съ свойственною ему деликатностью, отказавъ въ просьбѣ, пояснилъ:

— Я не хочу, чтобы ты воевалъ съ единовѣрцами.—И затѣмъ, улыбаясь, прибавилъ: вотъ, подожди войны съ европейцами,—я тебя, тогда, въ первый огонь пошлю.

Не лишень также интереса рассказъ генерала Шамиля о милостивомъ отношеніи къ нему и императора Александра Александровича. Пріѣхавъ, однажды, въ Петербургъ изъ Казани въ двухъ-дневный отпускъ, чтобы повидать тяжело больнаго генерала Черевина, ранѣе бывшаго начальникомъ Конвоя, генераль отправился къ нему въ Царское Село, гдѣ жилъ въ то время и Дворъ. Когда онъ сидѣлъ у больнаго въ спальнѣ, туда неожиданно вошелъ ординарецъ и доложилъ:

— Его величество государь императоръ.

Магометъ-Шефи хотѣлъ-было уйти въ другую комнату, такъ какъ онъ, пріѣхавъ въ Петербургъ всего на два дня, не думалъ представляться ни государю, ни военному министру, и даже не имѣлъ съ собою

мундира и орденовъ; но генераль Черевинъ сказалъ, что это невозможно, т. е., чтобы Шамиль какъ бы прятался отъ государя.

Государь, войдя въ комнату, прямо подошелъ къ Магометъ-Шефи:

— Здравствуйте, Шамиль! Давно ли пріѣхали?

— Только вчера, ваше величество,—отвѣчалъ Магометъ-Шефи.

Государь, пробыль у больного Черевина болѣе получаса и все время былъ очень любезенъ съ Шамилемъ. Такимъ образомъ, необходимо надо было представляться ему официально. Ордена достать было легко; но являлся вопросъ—гдѣ добыть генеральскій мундиръ, который пришелся бы на высокую, атлетическую фигуру Шамиля? Заказывать шить его было немыслимо, такъ какъ надо было представиться въ слѣдующій же день... Въ виду такого безвыходнаго положенія, генераль Шамиль обратился къ придворному военному портному—не сможетъ ли онъ помочь герою? Портной объявилъ, что въ одинъ день сшить мундиръ никакъ нельзя; но что у него, въ мастерской, имѣется почти законченный, обще-генеральскій мундиръ для государя, которому онъ вовсе не къ спѣху, вслѣдствіе чего онъ, портной, успѣетъ сдѣлать ему новый. Магометъ-Шефи примѣрилъ мундиръ—и онъ, къ изумленію его и портнаго, оказался сшитымъ какъ-будто бы прямо по немъ. Въ этомъ мундирѣ пріѣзжіи генераль и представлялся, а для государя сдѣлали новый.

Но еще болѣе интересный эпизодъ въ жизни генерала Магомета-Шефи случился съ нимъ въ Парижѣ. Онъ жилъ тамъ вмѣстѣ съ графомъ К—ымъ; и вотъ, однажды, пробѣгая «Фигаро», графъ былъ пораженъ публикаціей-рекламой, приглашающей почтеннѣйшую публику посѣтить въ пассажъ—сообщался адресъ—«сына знаменитаго Шамиля, бывшаго владыки Кавказа, воевавшаго съ русскими варварами въ теченіе сорока лѣтъ»; затѣмъ прибавлялось, что сынъ этотъ, по имени Магометъ-Шефи, имѣетъ множество ранъ и лишь чудомъ спасся отъ смерти во время гунибскаго боя. Въ концѣ прибавлялось, конечно, что это удовольствіе стоить всего одинъ франкъ... Нечего, конечно, говорить, какъ глубоко былъ возмущенъ этою публикаціей дѣйствительный сынъ Шамиля, находившійся, по счастью, въ это время въ Парижѣ, и графу К. стоило не малаго труда удержать бывшаго горца отъ немедленной поѣздки къ обманщику, для расправы съ нимъ... Когда чувство перваго пыла негодованія улеглось, полковникъ Шамиль и графъ К. поѣхали по указанному адресу. Заплативъ два франка, они были допущены къ лицезрѣнію «сына Шамиля»... Это былъ громаднаго роста человѣкъ, брюнетъ, одѣтый въ черкесскій костюмъ и обвѣшанный съ ногъ до головы оружіемъ; по національности, онъ оказался армяниномъ. Черезъ переводчика, знающаго армянскій и французскій языки, онъ изъяснялся съ публикою. Графъ К. обратился къ

нему на французскомъ языкѣ и сталъ разспрашивать... Но молодой Шамиль все-таки не вполне выдержалъ свою роль посторонняго посѣтителя: онъ спросилъ обманщика прямо по-русски:

— Вы, дѣйствительно, сынъ Шамиля?

Армянинъ, услышавъ русскій языкъ, вначалѣ сконфузился-было немного, но затѣмъ, оправившись, началъ свое безстыдное вранье...

Шамиль взялъ подъ руку графа К., отвелъ его въ сторону и сказалъ:

— Поѣзжайте въ посольство, расскажите посланнику всю эту исторію и попросите немедленно принять мѣры къ арестованію этого обманщика. А я останусь здѣсь и не отойду отъ него ни на шагъ.

Спустя нѣкоторое время, графъ К. вернулся обратно, въ соудствіи нѣсколькихъ французскихъ полицейскихъ чиновниковъ, и армянина былъ тотчасъ же арестованъ и, затѣмъ, препровожденъ въ Россію, на расправу.

Въ послѣдній разъ я видѣлся съ генераломъ Шамилемъ въ Петербургѣ, въ его скромномъ номерѣ въ Офицерскомъ собраніи. Онъ жилъ одинъ, безъ семьи, сильно расхворался и находился, вдобавокъ, подъ тягелымъ впечатлѣніемъ извѣстія о внезапной смерти въ Казани одного изъ близкихъ своихъ друзей, генерала П—ина, который, въ послѣднее время, жилъ вмѣстѣ съ нимъ въ Офицерскомъ же собраніи и только за недѣлю передъ своею смертію выѣхалъ изъ Петербурга. Между прочимъ, я сталъ рассказывать генералу о томъ сочувствіи, которое возбуждаютъ къ себѣ воюющіе буры—со стороны почти всѣхъ европейскихъ державъ и даже Америки. Шамиль внимательно слушалъ меня и, затѣмъ, вздохнувъ, проговорилъ:

— А вотъ, моему отцу, пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ, никто не помогалъ!..

II.

Поправка къ біографіи Шамиля и его юность.—Его первыя схватки съ русскими.—Его легендарный подвигъ въ Гимрахъ.—Шашка Шамиля.—Невинность Шамиля въ избіевіи аварскихъ хановъ.—Фатализмъ Гамзатъ-Бека и предостереженія Шамиля.—Нападеніе на соннаго Шамиля въ Веденѣ.—Религіозная терпимость Шамиля.—Его намѣреніе уничтожить рабство на Кавказѣ.

Перехожу, затѣмъ, къ тѣмъ дополненіямъ о покойномъ имамѣ Шамилѣ, которыя мнѣ довелось слышать отъ его сына, генерала Магометъ-Шейфи.

Нѣкоторые біографы Шамиля сообщаютъ, что онъ въ дѣтствѣ былъ, будто бы, пастухомъ козъ въ Дагестанѣ. Это не вѣрно: Шамиль былъ сыномъ аварскаго узденя Денгау-Магомета; мать же его была дочерью аварскаго бека, Пиръ-Будоха; имя ея было Баху-Меседу. Узденъ—это именитый гражданинъ, бекъ—дворянинъ, иногда владѣтельный; собственно князѣй въ Дагестанѣ нѣтъ. И въ послѣдствіи, когда Шамиль предсталъ предъ княземъ Барятинскимъ въ 1859 году, онъ самъ назвалъ себя узденемъ: «Я—простой узденъ, тридцать лѣтъ дравшійся за религію и свободу моего края»,—говорилъ онъ, между прочимъ, въ своей рѣчи... Воспитаніе Шамиля и обученіе было очень серіозное—для горца: онъ, послѣ первоначальнаго обученія, былъ отправленъ отцомъ въ Унцукуль, къ знаменитому среди горцевъ ученому Джемаль-Эддину, у котораго и пробылъ съ 12-ти до 20-ти лѣтъ, обучаясь различнымъ наукамъ и, между прочимъ, арабскому языку, философіи и законовѣдѣнію. Въ особенности, юнаго Шамиля плѣняли рассказы о жизни и подвигахъ древнихъ героев Греціи и Рима. Вся жизнь его въ тотъ цвѣтущій возрастъ проходила въ занятіяхъ науками и молитвѣ, такъ какъ учитель его былъ, въ то же время, и очень религіозный человекъ. Лишь иногда, жизнь молодаго Шамиля разнобразилась боевыми схватками съ русскими, для чего приходилось становиться въ ряды дагестанцевъ, предпринимавшихъ набѣги въ русскіе предѣлы. Онъ обладалъ необычайною физическою силою и былъ очень отваженъ. Его физическая ловкость въ прыганьи и бѣгѣ не имѣла себѣ равныхъ,—и мы далѣе увидимъ, какъ эти, чисто-физическія доблести, въ соединеніи съ феноменальною его силою, спасали, не разъ, ему жизнь. Въ единоборствѣ онъ между своими сверстниками и горцами вообще не имѣлъ равныхъ.

Главныя военныя отличія Шамиля въ рядахъ чеченцевъ начинаются, собственно, съ тридцатыхъ годовъ, подъ начальствомъ перваго имама Кавказа, Кази-Магомета (Кази-Муллы), въ учиненныхъ имъ набѣгахъ на Аварію, преданную, въ лицѣ своихъ хановъ, русскому правительству. Самый же легендарный подвигъ Шамиля, обратившій на него вниманіе всѣхъ горскихъ племенъ, произошелъ, какъ извѣстно, въ Гимрахъ, въ 1832 году, когда Кази-Магометъ, окруженный со всѣхъ сторонъ отрядомъ барона Розена и покинутый дагестанцами, заперся съ Шамилемъ и пятнадцатью, самыми преданными ему мюридами, въ башнѣ. И вотъ когда половина мюридовъ были уже перебиты, Кази-Мулла предложилъ Шамилю выскочить съ нимъ изъ башни и попытаться пробиться. Шамиль согласился. Кази-Мулла выскочилъ первымъ и былъ тотчасъ же заколотъ штыками. Шамиль же, видя у дверей двухъ солдатъ съ ружьями, готовыми выстрѣлить по тому смѣльчаку, который рѣшится выскочить, подобно Кази-Муллѣ, выпрыгнулъ изъ верхнихъ

дверей башни,—и такъ ловко и далеко, что очутился позади этихъ двухъ и, мгновенно изрубивъ ихъ, погнался за третьимъ солдатомъ, убѣгавшимъ отъ него, нагналъ его и убилъ. Такъ какъ стрѣлять въ Шамиля въ это время никто не рѣшался, потому что кругомъ были солдаты и легко можно было, попасть въ своихъ же, то борьба велась лишь холоднымъ оружіемъ. И вотъ, въ тотъ моментъ, когда Шамиль рубилъ на смерть третьяго солдата, къ нему подбѣжалъ четвертый и ударилъ его штыкомъ въ грудь, и такъ сильно, что штыкъ вышелъ въ спину, у правой лопатки, и правая рука была парализована; тогда Шамиль быстро перехватилъ шашку въ лѣвую руку ¹⁾, однимъ сильнымъ ударомъ разрубилъ солдату голову и побѣжалъ къ находившимся неподалеку густымъ деревьямъ. Охваченные паническимъ страхомъ и изумленные необычайною силою и отчаяннымъ мужествомъ Шамиля, изрубившаго уже четырехъ человекъ, солдаты отхлынули отъ него... Въ этотъ моментъ, вблизи его очутился мюридъ Магометъ-Али, единственный нераненый горецъ изъ бывшихъ въ башнѣ: пользуясь тѣмъ, что всеобщее вниманіе было сосредоточено на Шамилѣ, онъ безпрепятственно выскочилъ изъ башни и съ крикомъ: «Аллахъ! Аллахъ!» явился на помощь Шамилю... Вдвоемъ они добѣжали до деревьевъ и скрылись; но вскорѣ Шамиль, истекая кровью, упалъ въ изнеможеніи, снялъ съ себя шашку и, отдавая ее Магомету-Али, сказалъ: «Сбереги мою шашку; она мнѣ не нужна больше,—я умираю»... Съ этими словами, Шамиль склонилъ голову, и изъ его рта хлынула кровь... Русскіе сочли его убитымъ и оставили въ покоѣ, а Магометъ-Али, отбѣжавъ въ сторону, наблюдалъ за Шамилемъ издали и, съ наступленіемъ вечера, поспѣшилъ къ нему на помощь и перевязалъ ему раны, а ночью отвелъ его въ ближайшій аулъ Унцукуль, гдѣ жилъ тесть Шамиля, Абдулъ-Азисъ, славившійся въ Дагестанѣ, какъ искусный врачъ. Три мѣсяца Шамиль находился между жизнью и смертію, но могучая натура превозмогла, —и онъ понемногу оправился. Раны помѣшали лишь избранію его въ имамы, каковое званіе и перешло къ Гамзатъ-Беку. Шашка Шамиля, сослужившая ему такую службу, была очень тяжелая, такъ что никто изъ горцевъ не могъ владѣть ею. Эта шашка находится въ настоящее время, какъ сообщилъ мнѣ генераль Шамиль, въ Меккѣ, у старшаго сына Шамиля, Кази-Магомы.

Въ общемъ, Шамиль, по словамъ его сына, Магометъ-Шефи,

¹⁾ Во многихъ описаніяхъ и разсказахъ объ этой памятной для Шамиля и русскіхъ битвѣ, утверждается, что Шамиль былъ лѣвша. Это не вѣрно: генераль Магометъ-Шефи, передавшій мнѣ всѣ подробности этого эпизода, объяснилъ, что его отецъ могъ рубить одинаково и правою и лѣвою руками—т. е., когда уставала въ бою одна рука, онъ бралъ шашку въ другую руку.

имѣлъ 19-ть ранъ холоднымъ оружіемъ и три раны пулевыхъ; одна русская пуля такъ и осталась въ немъ навсегда и похоронена вмѣстѣ съ нимъ.

При слѣдующемъ имамѣ (второмъ), Гамзатъ-Бекѣ, въ 1834 году, произведено было нападеніе мюридовъ на Хунзахъ, принадлежащій преданнымъ намъ аварскимъ ханамъ, при чемъ произошло и самое избиеніе этихъ хановъ. Рассказывая объ этомъ кровавомъ эпизодѣ, почти всѣ историки Кавказской войны обвиняютъ Шамиля, внушившаго, будто бы, Гамзатъ-Беку мысль воспользоваться пребываніемъ хановъ въ лагерѣ дагестанцевъ при рѣкѣ Тоботѣ и перебить ихъ, съ цѣлью подчинить своему вліянію аварцевъ и склонить ихъ, затѣмъ, къ газавату—то-есть, къ веденію священной войны противъ русскихъ,—такъ какъ ханскій аварскій домъ былъ главнымъ препятствіемъ введенію газавата въ Аварію и къ распространенію власти имамовъ въ ея горахъ и аулахъ.

Въ дѣйствительности же, по словамъ генерала Шамиля,—отецъ его отнюдь не подстрекалъ Гамзатъ-Бека къ избиенію рода аварскихъ хановъ (Шамиль, будто бы, сказалъ Гамзатъ-Беку, когда аварскіе ханы явились въ его лагерь: «Куй желѣзо, пока горячо!..») и не хотѣлъ происшедшей рѣзни. Какъ на доказательство неучастія Шамиля въ этомъ трагическомъ и вѣроломномъ событіи, генераль Шамиль указываетъ на то обстоятельство, что, когда его отецъ, послѣ убіенія Гамзатъ-Бека, былъ избранъ имамомъ, онъ тотчасъ же приказалъ снести головы всѣмъ тѣмъ, кто, по приказу Гамзатъ-Бека, убивалъ аварскихъ хановъ и ихъ свиту. Равно, онъ приказалъ казнить и тѣхъ аварцевъ, которые потомъ, два года спустя послѣ избиенія ихъ хановъ, убили Гамзатъ-Бека. При этомъ, передавая мнѣ подробности избиенія хановъ, генераль Шамиль сообщилъ слѣдующую интересную подробность. Когда, съ наступленіемъ ночи, началась между аварцами и мюридами Гамзатъ-Бека рѣзня, то рубился, конечно, и Шамиль, защищаясь отъ нападавшихъ на него нукеровъ, которые, зная его за друга Гамзатъ-Бека, хотѣли непремѣнно его убить. Среди самаго пыла битвы, одинъ аварскій бекъ крикнулъ: «Изрубите Шамиля! онъ въ бѣлой чалмѣ»... Тогда Шамиль быстро снялъ съ себя чалму (бѣлую) и надѣлъ ее на перваго, подвернувшася ему мюрида, а его черную папаху надѣлъ на себя; мюридъ, слышавшій, тоже, крикъ аварца, безпрекословно повиновался Шамилю—и скорѣ былъ изрубленъ въ куски, а Шамиль остался живъ, получивъ лишь легкую рану шашкой. Какъ извѣстно, вся эта страшная рѣзня началась почти случайно. Мюриды Гамзата хотѣли, по его приказу, взять изъ свиты аварскихъ хановъ лишь одного узденя Буга, жителя селенія Цудахаръ, убившаго когда-то двоюроднаго брата Гамзатъ-Бека, нѣкоего Амира-Али; аварцы отказались выдать Буга, и когда мюриды стали брать его силою, начался споръ,

во время котораго одинъ изъ нукеровъ сдѣлалъ въ мюрида выстрѣлъ; это и послужило сигналомъ къ общей рѣзнѣ между давно уже враждовавшими между собою аварцами, съ одной стороны, и партіею мюридовъ Чечни и Дагестана,—съ другой.

Передъ убійствомъ Гамзатъ-Бека, Шамиль всячески предостерегалъ его отъ возможности со стороны аварцевъ стмщенія за смерть ихъ хановъ: Шамиль совѣтовалъ имаму, между прочимъ, не избирать своей резиденціей аварскій Хунзахъ, а находится по-прежнему въ Гоцатлѣ; но Гамзатъ-Бекъ не внималъ его совѣтамъ и, какъ бы фатально, шелъ на встрѣчу смерти. Чрезвычайно интересныя свѣдѣнія сообщилъ мнѣ по этому поводу генераль Магометь-Шефи (узнавшій ихъ отъ своего покойнаго отца). Отецъ его, Шамиль, за два дня до убійства, предостерегалъ Гамзатъ-Бека отъ поѣздки, по случаю предстоящаго праздника, въ мечеть; но Гамзатъ, будучи фаталистомъ, отвѣчалъ ему:

— Не боюсь. Будетъ то, что написано мнѣ на доскахъ предопредѣленія.—Посланному же Шамиля, подавшему ему письмо, онъ сказалъ:—Никто не можетъ остановить ангела, если Аллахъ пошлетъ его за душой человѣка...

Получивъ эти отвѣты, Шамиль тотчасъ же отправилъ Гамзатъ-Беку второе письмо, въ которомъ писалъ: «Ты очень слѣпо вѣришь въ предопредѣленіе. Это хорошо; но попробуй, однако, кинуться со скалы,—и ты увидишь, что на вѣрн ое погибнешь, хотя бы тебѣ, по здоровью твоему, можно было прожить еще много лѣтъ». Это второе письмо не дошло уже до Гамзата, а первое было найдено въ карманѣ архалука убитаго имама.

Не менѣе трагическіе эпизоды происходили, иногда, съ Шамилемъ и въ столкновеній съ партійными врагами въ горахъ и съ русскими отрядами. Такъ, напр., однажды, въ Веденѣ, ночью, произошелъ съ нимъ слѣдующій случай. Къ нему въ Ведень былъ доставленъ уздень (а не русскій солдатъ, какъ утверждаетъ г-жа Чичагова въ своихъ запискахъ), заподозрѣнный въ желаніи передаться русскимъ, т. е. объявить себя и свое селеніе «мирнымъ». Шамиль приказалъ его ослѣпить, а затѣмъ, посадить, пока, въ глубокую яму, служившую мѣстомъ ареста для виновныхъ. Какъ могъ выбраться оттуда ослѣпленный уздень, какъ могъ онъ подкрасться къ двумъ соннымъ тѣлохранителямъ Шамиля, вздремнувшимъ у входа въ домъ имама и даже, безъ всякаго шума, убить ихъ обоихъ и кто далъ ему кинжалъ,—все это осталось неизвѣстнымъ... Но только жизнь Шамиля висѣла въ эту страшную для него ночь на волоскѣ: убійца, прикончивъ часовыхъ, тихо прокрался въ его спальню и ударилъ соннаго Шамиля, раздѣтаго и безоружнаго, кинжаломъ въ бокъ, нанеся ему, по счастью, не опасную рану. Шамиль спасся, благодаря лишь своей необычайной силѣ: онъ,

проснувшись, быстро обхватилъ нападавшаго руками и совсѣмъ сдавилъ его въ своихъ могучихъ, желѣзныхъ объятіяхъ, а зубами сталъ грызть его за голову. Когда, наконецъ, прибѣжали къ Шамилю на помощь и онъ разжалъ руки, то на полъ упалъ совсѣмъ уже умирающій человѣкъ, который, спустя нѣсколько минутъ, и испустилъ духъ, унеся съ собою въ могилу тайну оказаннаго ему кѣмъ-то содѣйствія... Шамиль, послѣ этого ночнаго нападенія на него, нѣсколько реформировалъ лишь свой личный конвой, состоявшій изъ двухъ-сотъ тѣлохранителей, набранныхъ, преимущественно, изъ жителей аула Чиркей, питавшаго особую ненависть къ русскимъ.

Въ сферѣ управленія подвластными ему племенами горцевъ и вообще въ администраціи, имамъ Шамиль не былъ особеннымъ фанатикомъ и проявлялъ, иногда, удивительную для магометанина снисходительность къ чуждой ему религіи. Такъ, напримѣръ, онъ разрѣшилъ нашимъ раскольникамъ, бѣжавшимъ къ нему въ горы отъ религіозныхъ преслѣдованій со стороны русскихъ властей, открыто отправлять свое богослуженіе въ устраиваемыхъ ими часовняхъ, а также предоставилъ имъ право устраивать и свои скиты—гдѣ пожелаютъ. Онъ даже не бралъ съ нихъ за это право никакихъ налоговъ. По словамъ генерала Магометъ-Шефи, отецъ его хотѣлъ даже освободить всѣхъ рабовъ подвѣдомственныхъ ему горскихъ племенъ; но наибы, владѣтельные «султаны» и беки, прослышавъ объ этомъ, явились въ его резиденцію, въ Ведень, и прямо угрожали имаму, что если только онъ приведетъ въ исполненіе эту мѣру, то они всѣ примутъ русское подданство—и у нихъ, слѣдовательно, будутъ существовать русскіе порядки съ ихъ крѣпостнымъ правомъ.... Это сообщеніе чрезвычайно интересно и знаменательно.

III.

Столкновеніе Шамиля съ приставомъ Пржецлавскимъ.—Отказъ Шамиля подписать петицію въ пользу поляковъ.—Мщеніе пристава Шамилю, его козни и пятриги.—Жалоба Шамиля губернатору Держе.—Несостоявшееся прибытіе новаго пристава.—Обращеніе Шамиля къ заступничеству новаго калужскаго губернатора, Спасскаго.—Прибытіе въ Калугу полковника Брока на слѣдствіе.—Увольненіе пристава Пржецлавскаго.—Смертность въ семьѣ Шамиля въ Калугѣ.—Переводъ его въ Кіевъ.—Увольненіе въ Мекку.—Смерть Шамиля.—Его популярность въ Меккѣ и Константинополѣ.—Его записки о войнѣ на Кавказѣ.

По милости полковника Пржецлавскаго, бывшаго приставомъ при Шамилѣ въ Калугѣ же (послѣ А. II. Руновскаго), знаменитый плѣн-

никъ едва не былъ сосланъ въ Вятку. Исторія этого столкновенія между имамомъ и приставомъ не могла быть своевременно опубликована по крайней деликатности Шамиля, не выдававшего даже и своего врага; но теперь, когда со времени этой исторіи прошло 37 лѣтъ, представляется возможнымъ огласить истинныя причины, послужившія къ столкновенію, или, скорѣе, ко взаимной ненависти между Шамилемъ и его стражемъ. Объ этихъ «истинныхъ причинахъ» разсказалъ мнѣ генераль Шамиль, и его разсказъ долженъ, въ то же время, опровергнуть многія неточности и даже, просто, выдумки, занесенныя полковникомъ Пржецлавскимъ въ его «Дневникъ», появившійся въ 1877 году, на страницахъ «Русской Старины».

У пристава Пржецлавскаго произошло, уже на первыхъ порахъ, съ Шамилемъ слѣдующее неудовольствіе. Этотъ приставъ, служившій ранѣе на Кавказѣ, добылъ тамъ отъ какого-то лѣтописца-муллы рукопись на арабскомъ языкѣ «О трехъ имамахъ»—т. е. о Кази-Муллѣ, Гамзатъ-Бекѣ и Шамилѣ; затѣмъ, переведя эту рукопись на русскій языкъ съ пѣлю напечатать ее, онъ далъ переводъ (но не подлинникъ) Шамилю, прося его засвидѣтельствовать своею подписью вѣрность фактовъ, изложенныхъ въ разсказѣ. Шамиль, не видя въ глаза подлинника и не читая вовсе по-русски, категорически отказался подписать переводъ Пржецлавскаго. Это и послужило первымъ, хотя еще и не особенно важнымъ, поводомъ къ непріятнымъ отношеніямъ, установившимся между приставомъ и плѣннымъ имамомъ. Объ этомъ неудовольствіи упоминается, между прочимъ, и въ книгѣ г-жи Чичаговой о пребываніи Шамиля въ Калугѣ. Но истинная причина, особенно озлобившая пристава Пржецлавскаго противу Шамиля, была не та; она заключалась—какъ разсказалъ мнѣ генераль Шамиль—въ слѣдующемъ.

Въ концѣ 1863 года, когда польскій мятежъ былъ уже подавленъ, а надъ виновными лицами чинился судъ и расправа, полковникъ Пржецлавскій, полякъ родомъ, сталъ очень часто заговаривать съ Шамилемъ объ этомъ мятежѣ, постоянно описывая, въ самыхъ мрачныхъ краскахъ, тѣ жестокости, какимъ, будто бы, подвергались поляки по распоряженію Муравьева въ Литвѣ и графа Берга въ Варшавѣ. При этомъ, Пржецлавскій всячески старался внушить Шамилю, что обо всѣхъ этихъ «жестокостяхъ» государь ничего не знаетъ и не вѣдастъ—и было бы-де истинною услугою для самого царя, если бы кто-нибудь замолвилъ ему слово за «несчастныхъ...» Шамиль, нисколько не интересовавшійся польскимъ мятежомъ, пропускалъ всѣ эти подходы пристава мимо ушей, считая ихъ лишь обыкновенными разговорами. Но вотъ, въ одно прекрасное утро, полковникъ Пржецлавскій, поговоривъ нѣсколько минутъ въ обычномъ минорномъ тонѣ о «жестокостяхъ», терпѣваемыхъ его соотечественниками, и считая, по всей вѣроятности,

почву достаточно уже подготовленной, неожиданно вынулъ изъ кармана и подалъ Шамилю письмо на имя государя, прося подписать его... Письмо оказалось написаннымъ въ два текста—на арабскомъ и русскомъ языкахъ: на арабскомъ для Шамиля, а по-русски—для государя. Шамиль, пораженный такою назойливостью, взялъ все-таки письмо изъ рукъ Пржецлавскаго и прочелъ его арабскій текстъ. Въ письмѣ говорилось, приблизительно, вотъ чтò:... «Четыре года тому назадъ, русскому государю была дарована Богомъ полная побѣда надъ кавказскими горами, воевавшими болѣе полувѣка съ Вѣлымъ царемъ. По своему величайшему милосердію, государю угодно было забыть о вредѣ и кровопролитіяхъ, учиненныхъ за время войны горскими племенами, а самому имаму—даровать полное прощеніе и осыпать его величайшими благодѣяніями и щедротами. Теперь повторилось-де то же самое: побѣдоносныя войска государя одолѣли возставшихъ поляковъ—и война окончилась. Но послѣдствія побѣды, въ настоящее время, не тѣ, чтò были 4 года назадъ: тогда дагестанцамъ и другимъ племенамъ даровано было прощеніе; теперь же побѣжденныхъ и виновныхъ постигаетъ тяжкая кара: смертныя казни, ссылка на каторгу, тюрьма, конфискація имущества, и пр. И вотъ, онъ, смиренный старецъ Шамиль, освѣдомившись обо всемъ этомъ, осмѣливается-де обратиться къ сердцу великаго государя и молить его о проявленіи того же великодушія къ побѣжденнымъ полякамъ, какое онъ, государь, проявилъ въ 1859 году къ нему, Шамилю, къ его семьѣ и всѣмъ, воевавшимъ вмѣстѣ съ нимъ наибамъ...» и т. д.

Вотъ смыслъ письма, преподнесеннаго, по разсказу генерала Шамиля, приставомъ Пржецлавскимъ, для подписи, плѣнному его отцу. Дѣло задумано было недурно—въ смыслъ заступничества поляка Пржецлавскаго за своихъ, дѣйствительно несчастныхъ, собратій. Но оказалось, что Пржецлавскій мало зналъ характеръ осторожнаго и умнаго Шамиля, если позволилъ себѣ такой подходъ. Имамъ вѣжливо и терпѣливо выслушалъ своего пристава, внимательно прочелъ письмо и, возвращая его неподписаннымъ, проговорилъ твердымъ и рѣшительнымъ тономъ:

— Прошу васъ, полковникъ, не обращаться ко мнѣ съ подобными предложеніями. Я никогда не осмѣлюсь беспокоить государя такими письмами.

Полковникъ Пржецлавскій счумѣлъ, въ это время, не только скрыть предъ Шамилемъ свое неудовольствіе, но еще и взялъ съ него общаніе никому не говорить обо всемъ этомъ дѣлѣ. Вотъ этотъ-то отказъ и послужилъ главною и единственною причиною положительной ненависти и злобы, которую, съ тѣхъ поръ, сталъ питать праставъ къ своему плѣннику: съ того времени онъ и началъ, постепенно, но системати-

чески, изводить Шамиля. Полковникъ Пржецлавскій сталъ вмѣшиваться во внутренніе распорядки жизни Шамиля и его семьи, сталъ ссорить членовъ его семьи между собою и прислугою; оскорблялъ Шамиля самымъ назойливымъ досмотромъ за каждыиъ его шагомъ, когда онъ выходилъ изъ дому; распускалъ о немъ по Калугѣ такіе нелѣпные слухи и сплетни, что почетные жители города почти совсѣмъ перестали посѣщать имама; затѣмъ, въ своихъ донесеніяхъ военному министру онъ сталъ сообщать о постоянномъ, будто бы, недовольствѣ Шамиля государемъ и его милостями; что онъ ропщетъ, будто бы, на скудость назначеннаго ему содержанія ¹⁾; что онъ мечтаетъ о возвращеніи своего владычества, и пр.

Шамиль, измученный всѣми этими мелочными оскорбленіями и не-пріятностями, въ конецъ отравлявшими его и безъ того тяжелую жизнь, попросилъ губернатора Лерхе походатайствовать о смѣнѣ пристава. Вскорѣ, дѣйствительно, пріѣхалъ изъ Москвы въ Калугу денщикъ капитана по фамиліи Семенова, назначеннаго на смѣну Пржецлавскаго, съ письмомъ къ нему, въ которомъ Семеновъ писалъ приставу: «Я назначенъ на ваше мѣсто: примите мои вещи», и пр.; но, спустя нѣкоторое время, стало извѣстно, что полковникъ Пржецлавскій оставленъ, по-прежнему, на своемъ мѣстѣ... Предполагалось, что имъ былъ совершенъ положительный подлогъ, съ цѣлю удержаться на своей должности: по выраженному самимъ Шамилемъ подозрѣнію, впоследствии подтвердившемуся,—Пржецлавскій написалъ, отъ имени имама, письмо въ военное министерство, съ просьбою оставить при немъ, Шамиль, прежняго пристава...

Такъ прошло еще два года. Полковникъ Пржецлавскій продолжалъ по-прежнему, всячески изводить и принижать Шамиля... Тогда имамъ, съ свойственною ему прямою, обратился прямо къ генераль-маіору Чичагову, недавно прибывшему въ Калугу на только-что учрежденную должность губернскаго воинскаго начальника, прося его доложить губернатору его, Шамиля, просьбу, чтобы тотъ, въ присутствіи всѣхъ высшихъ властей города, выслушалъ бы его жалобу на приставленнаго къ нему полковника Пржецлавскаго.

Желаніе знаменитаго плѣнника было исполнено, и въ квартирѣ губернатора Спасскаго, въ присутствіи генерала Чичагова, вице-губернатора графа Шуленберга и губернскаго предводителя дворянства Щукина, Шамиль сообщилъ, чрезъ переводчика, о причиняемыхъ ему приставомъ Пржецлавскимъ оскорбленіяхъ и непріятностяхъ и просилъ

¹⁾ Шамиль получалъ въ это время въ Калугѣ вполнѣ достаточное содержаніе: готовую квартиру въ домѣ Сухотина, экипажъ и 15.000 рублей въ годъ.
И. З.

собраніе ходатайствовать объ его смѣнѣ. Между прочимъ, онъ разсказалъ и о своемъ отказѣ удостовѣрить рукопись «О трехъ имамахъ», но не упомянулъ все-таки ни однимъ словомъ, въ силу даннаго Пржецлавскому обѣщанія—о петиціи въ пользу поляковъ, которую предлагалъ ему къ подписи полковникъ Пржецлавскій.

Собраніе внимательно выслушало Шамиля, и губернаторъ ходатайствовалъ у военнаго министра о смѣнѣ пристава. Но результаты этого представленія были для Шамиля, на первыхъ порахъ, очень неожиданны и непріятны. Въ Калугу прибылъ изъ Петербурга полковникъ Брокъ, командированный военнымъ министромъ для производства дознанія, но не надъ интриганомъ-приставомъ, а надъ плѣннымъ Шамилемъ.

Къ счастью для Шамиля, губернской воинскій начальникъ Чичаговъ успѣлъ уже, за время своего пребыванія въ Калугѣ, не только хорошо ознакомиться съ имамомъ и всею его семьею, но замѣтить также и всѣ козни и интриги, подводимыя подъ него приставомъ; онъ помогъ полковнику Броку раскрыть всѣ сложныя махинаціи и обстоятельства этого непріятнаго дѣла и всѣ интриги пристава—до подложнаго письма отъ имени Шамиля къ военному министру включительно.

Въ концѣ концовъ, приставъ былъ смѣненъ, и Шамиль былъ, такимъ образомъ, избавленъ отъ проступка, который онъ неминуемо бы совершилъ и отъ котораго онъ, не разъ, былъ на одинъ только шагъ: онъ, хорошо понимая и чувствуя всѣ интриги, козни и клеветы пристава Пржецлавскаго и будучи человѣкомъ прямымъ, вспыльчивымъ, властнымъ и необузданнымъ, едва-едва, иногда, удерживался отъ кровавой расправы съ своимъ неблагороднымъ врагомъ...

Дальнѣйшая жизнь и судьба Шамиля были таковы. Суровый—сравнительно съ Кавказомъ—климатъ Калуги сдѣлалъ то, чего не могли сдѣлать 19-ть имѣвшихся у него ранъ: его исполинская, желѣзная натура стала видимо ослабѣвать... Этотъ климатъ еще сильнѣе и быстрѣе сталъ отражаться на женщинахъ семьи Шамиля: вначалѣ, умерла отъ скоротечной чахотки самая красивая изъ всѣхъ женщинъ семьи Шамиля—Каримать, жена старшаго его сына Казы-Магомы; затѣмъ, умерла отъ чахотки же любимѣйшая дочь Шамиля Нафисата, жена Абдуррахмана, и т. д.; вообще, въ Калугѣ, за время десятилѣтняго пребыванія тамъ Шамиля, умерло, всего, семнадцать человѣкъ—изъ семьи и свиты плѣнника,—считая въ томъ числѣ и прислугу. Вольнымъ сынамъ горъ, привыкшимъ къ мягкому горному воздуху и дремучимъ хвойнымъ лѣсамъ своей родины, было тяжело и душно жить въ Калугѣ... Разъ, Шамиль, будучи въ Петербургѣ, въ 1861 году, просился въ Мекку; но ему дано было понять, что эта просьба преждевременна. Въ бытность же

свою въ томъ же Петербургѣ въ 1866 году, на торжествахъ бракосочетанія цесаревича Александра Александровича, онъ не рѣшился возобновлять свое ходатайство. Наконецъ, въ октябрѣ 1869 года, онъ былъ переведенъ на жительство въ Кіевъ, гдѣ климатъ былъ все-таки мягче и теплѣе. Затѣмъ, въ началѣ 1870 года, Шамиль, имѣя уже 74 года, получилъ разрѣшеніе отправиться въ Мекку со всѣмъ своимъ семействомъ—съ женами, дочерьми, зятьями и младшимъ сыномъ Магометомъ, за исключеніемъ двухъ сыновей: Казы-Магомы, проводившаго отца до Одессы, и Магомета-Шефн, уже служившаго въ то время въ Конвоѣ Его Величества офицеромъ.

Недолго—менѣе года—пожилъ старій Шамиль на волѣ: 4-го февраля 1871 года онъ умеръ, окруженный почти всею своею семьею, такъ какъ и Казы-Магомъ было потомъ дозволено уѣхать къ умирающему отцу. По разсказу генерала Шамиля, смерть его отца произошла при слѣдующихъ обстоятельствахъ: имамъ, удачно совершивъ, въ 1870 году, свое первое путешествіе изъ Медины въ Мекку, пожелалъ, въ концѣ января 1871 года, поѣхать туда помолиться еще разъ. Такъ какъ онъ былъ отъ многихъ ранъ и преклонныхъ лѣтъ очень слабъ и не могъ уже ѣхать верхомъ, то ему было приспособлено особое сидѣнье-стулъ, укрѣпленное между двумя верблюдами, которыхъ и долженъ былъ вести, ровнымъ шагомъ, особый поводарь. Случилось, что, въ первую же ночь по выѣздѣ изъ Медины, поводарь не досмотрѣлъ какъ-то, и одинъ изъ верблюдовъ шагнулъ впередъ другаго, вслѣдствіе чего одинъ конецъ сидѣнья сорвался съ горба продвинувшагося впередъ верблюда, и старикъ Шамиль упалъ на землю и сильно расшибся. Караванъ тотчасъ же вернулся въ Медину, гдѣ вскорѣ Шамиль и скончался. Онъ былъ похороненъ въ Мединѣ же, на кладбищѣ Джаннать-Эмъ-Баки.

Популярность Шампля между магометанскимъ населеніемъ Мекки, Медины и даже Константинополя была очень велика, и никто даже изъ владыкъ Турціи не пользовался такимъ обожаніемъ и поклоненіемъ, каковыя вышали на долю бывшаго властителя Кавказа. Напримѣръ, въ мечетяхъ Мекки въ то время, когда туда приходилъ молиться Шамиль, происходила всегда такая страшная давка, что турецкая полиція и муллы рѣшили, наконецъ, назначить для Шамиля особые ночныя часы, когда жители города и богомольцы отправлялись спать. Народъ бросался за нимъ вслѣдъ и цѣловалъ не только его руки, ноги и одежду, но и тѣ мѣста на плитахъ мечети, гдѣ ступала его нога и гдѣ онъ стоялъ во время молитвы.

Не меньшій почетъ онъ встрѣтилъ и въ Константинополѣ, когда заѣхалъ туда по дорогѣ изъ Одессы. Султанъ принялъ его въ торжественной аудіенціи, какою удостоивалъ только хедива и царствен-

ныхъ особъ, и при всѣхъ поцѣловалъ его руку; а когда Шамилю доводилось проѣзжать или идти пѣшкомъ по улицамъ турецкой столицы, то османлысы падали предъ нимъ ницъ и лежали распростертые на землѣ все время, пока онъ мимо нихъ проходилъ или проѣзжалъ. Таково было въ глазахъ турокъ и другихъ восточныхъ народовъ обаяніе челоѣка, провоевавшего съ могущественною Россійскою имперіей почти 25 лѣтъ,—въ то время, какъ та же Турція, начиная съ нами свои войны, всегда вынуждаема была заканчивать ихъ невыгоднымъ для нея миромъ—по истеченіи года, или, много-много двухъ лѣтъ.

Объ этой своей войнѣ съ русскими войсками на Кавказѣ имамъ Шамиль, за время своего десятилѣтняго проживанія въ плѣну, въ Калугѣ, составилъ подробныя записки на арабскомъ языкѣ, которыя находятся, въ настоящее время, у его старшаго сына, Кази-Магомы, проживающаго въ Медияѣ.

IV.

Дальнѣйшая судьба родственниковъ Шамиля.—Смерть его женъ, Зайдаты и Шуанаты. — Смерть отъ чахотки дочерей Шамиля и прочихъ родныхъ. — Имя Кази-Магомы. — Судьба младшаго сына Шамиля, Магомета. — Трагическая смерть наиба Хаджію. — Ссылка его убійцы въ Сибирь. — Поправка къ книгѣ г-жи Чичаговой о Шамилѣ. — Мнимое „скряпничество“ Шамиля по запискамъ пристава Пржецлавскаго. — Гостепріимство генерала Магометъ-Шефи-Шамиля.

Теперь я нахожу небезынтереснымъ разсказать о дальнѣйшей судьбѣ членовъ семьи Шамиля и близкихъ къ нему лицъ.

Въ женщины, жившія съ Шамилемъ въ Калугѣ—его жены, дочери и снохи—въ настоящее время не находятся въ живыхъ. Я уже упоминалъ о смерти красавицы Каримать, жены Кази-Магомы, и о смерти любимой дочери Шамиля, Нафисаты—отъ скоротечной чахотки, приключившейся отъ суроваго, сравнительно съ Кавказомъ, климата Калуги. Точно также и здоровье остальныхъ женщинъ было подорвано десятилѣтнимъ проживаніемъ въ плѣну въ названномъ городѣ. Жена Шамиля Зайдата пережила мужа лишь на три мѣсяца и умерла въ маѣ 1871 года, въ Тайфѣ, близъ Мекки, и была въ Меккѣ же и похоронена. Шуаната, любимѣйшая жена имама, мужественнѣе всѣхъ другихъ женщинъ перенесла калужскій климатъ, такъ какъ была, по рожденію, армянка, а не жительница горъ; она была гораздо моложе Зайдаты, пережила мужа на шесть лѣтъ и умерла въ Константинополѣ въ 1878 году; тамъ же она была и похоронена. Умерли также и

всѣ дочери Шамиля,—Наджавать, Фатимать, Баху-Меседу и Сафیاتъ, а также и жена средняго сына Шамиля, вынѣ генерала Магомета-Шефи,—Аминать. Умерли и всѣ зятя Шамиля, кромѣ Амбурахима, о которыхъ я упоминалъ выше.

Остались въ живыхъ всѣ три сына Шамиля: старшій Кази-Магома, средній—генераль-маіоръ Магометъ-Шефи и младшій,—Магометъ, родившійся у Шамиля отъ Зайдаты, въ Калугѣ, въ 1861 году. О старшемъ изъ нихъ, Кази-Магомѣ, слѣдуетъ сказать нѣсколько подробнѣе.

Когда я встрѣчалъ его въ Калугѣ, въ началѣ 1860 года, это былъ громаднаго роста горецъ, немного сутулый и короткошей, безъ всякой растительности на лицѣ (онъ брился тогда),—что вполнѣ дозволяло видѣть его суровое, непривѣтливое и несимпатичное лицо. Съ нами, молодыми офицерами, онъ былъ угрюмъ и неразговорчивъ, составляя въ этомъ случаѣ полную противоположность своему другому брату Магомету-Шефи и мюриду Хаджію, которые были всегда очень привѣтливы и разговорчивы. Не знаю почему, но въ Калугѣ всѣ были увѣрены въ то время, между прочимъ, и въ «преданности» Кази-Магомы,—и эта увѣренность доходила до того, что назначенный, впоследствии, въ Калугу губернскій воинскій начальникъ генераль-маіоръ Чичаговъ угваривалъ даже этого угрюмаго горца ходить въ гимназію и учиться русскому языку. Но послѣдствія, однако, показали, что это были однѣ только иллюзіи и излишняя довѣрчивость, столь свойственныя добродушной русской натурѣ. Да едва-ли и можно было ожидать, чтобы этотъ гордый и самолюбивый горецъ, сынъ всесильнаго и властнаго имама, могъ примириться съ печальною участію военно-плѣннаго... При этомъ слѣдуетъ принять во вниманіе еще и то обстоятельство, что Кази-Магома, будучи всего семи лѣтъ отъ роду, былъ уже раненъ русскою пулею ¹⁾ и испыталъ, слѣдовательно, еще въ дѣтскомъ возрастѣ сильныя физическія мученія, которыя не легко забываются. Затѣмъ, онъ потерялъ въ Калугѣ страстно любимую имъ жену, бывшую первою красавицею Кавказа, Каримать, не вынесшую плѣна въ суровомъ климатѣ. Это едва-ли могло поселить въ сердцѣ Кази-Магомы особую пріязнь и расположеніе къ русскимъ,—въ особенности, если принять во вниманіе еще и то обстоятельство, что этотъ человѣкъ, прежде чѣмъ попасть въ Калугу, уже закалилъ себя въ бояхъ, не разъ предводительствуя многочисленными отрядами горцевъ,

¹⁾ Это было при взятіи русскими войсками у горцевъ аула Ахульго, когда русскими же пулями была убита жена Шамиля гимрянка Джовгарадъ, въ то время, когда она кормила грудью своего сына Саида, который, вскорѣ, былъ тоже убитъ русскою пулею. Шамиль спасся въ это время лишь чудомъ и только благодаря своей отвагѣ и необычайной физической силѣ: онъ спустился по веревкѣ къ обрыву рѣки Койсу, имѣя на плечахъ семилѣтняго раненаго сына, Кази-Магому.

сдѣлавшихъ даже, подъ его начальствомъ, извѣстный побѣдоносный набѣгъ въ Грузію и Кахетію чрезъ Алазань, въ 1853 году, когда, напавъ на Цинавалы, Кази-Магома взялъ въ плѣнъ княгинь Чавчавадзе и Орбеліани, съ ихъ дѣтьми, гувернантками и прислугой; слѣдуетъ помнить и то, что онъ и самъ, какъ старшій сынъ Шамиля, имѣлъ уже въ Дагестанѣ громадную власть и вліяніе. Все это, вмѣстѣ взятое, до извѣстной степени можетъ оправдывать вѣроломный поступокъ Кази-Магомы, совершенный имъ въ 1870 году, когда, будучи отпущенъ изъ Россіи въ Мекку, для свиданія съ тяжело больнымъ отцомъ, онъ, похоронивъ Шамиля, не пожелалъ уже вернуться въ Россію и даже не отпустилъ отъ себя младшаго брата Магомета, а также и никого изъ членовъ семьи Шамиля,—такъ что въ Россіи остались лишь средній сынъ, Магометъ-Шефи и зятья—Абдурахимъ и Абдурахманъ. Мало этого: въ 1877 году, Кази-Магома, состоявшій уже въ турецкой арміи въ чинѣ дивизіоннаго генерала, обложилъ Баязетъ и требовалъ сдачи этой крѣпости, въ которой оборонялась небольшая часть нашихъ войскъ подъ начальствомъ мужественнаго капитана Штоквича. Извѣстно, что на это требованіе Штоквичъ отвѣтилъ Кази-Магомѣ слѣдующею фразой: «Кази-Магома, вѣроятно, не научился, воюя съ нами на Кавказѣ, подъ начальствомъ своего знаменитаго отца, что русскіе умѣютъ лишь брать крѣпости, но не сдавать ихъ»...

Предательство Кази-Магомы усугубляется еще и тѣмъ немаловажнымъ обстоятельствомъ, что онъ, вмѣстѣ съ отцомъ своимъ и зятьями, принялъ, 26-го августа 1866 года, въ Калугѣ присягу на вѣрноподданство Россіи. Своимъ вѣроломствомъ Кази-Магома всего больше повредилъ своему младшему брату, Магомету, котораго предполагалось помѣстить въ Пажескій корпусъ и воспитать его такъ же, какъ былъ воспитанъ первенецъ Шамиля, Джамалъ-Эддинъ, взятый въ аманаты и возвращенный впоследствии отцу, въ обмѣнъ на плѣненныхъ княгинь.

Самая злая судьба выпала на долю любимѣйшаго мюрида имама, Хаджіо—его казначея, секретаря и вѣрнаго друга, добровольно раздѣлявшаго съ нимъ плѣнъ и десятилѣтнюю жизнь въ Калугѣ ¹⁾. Принявъ, затѣмъ, вмѣстѣ съ Шамилемъ и его семьею, въ 1866 году, присягу на вѣрноподданство, Хаджіо, по отъѣздѣ Шамиля въ Мекку, пожелалъ возвратиться на родину, и русское правительство предложило ему въ управленіе Ункратальское наибство, въ Дагестанской области, въ Бетлинскомъ округѣ, которое онъ охотно и принялъ, такъ какъ самое званіе *наиб*а было очень почетное и соединялось, кромѣ того, съ большою

¹⁾ Объ этомъ Хаджіо я говорилъ болѣе подробно въ своей статьѣ „Поездка къ Шамилю въ Калугу въ 1860 году“ („Вѣстникъ Европы“, кн. августъ 1898 г.). II. 3.

самостоятельностью и властью; на Кавказѣ это было нѣчто среднее между маленькимъ губернаторомъ и крупной величины исправникомъ.

На первыхъ же порахъ своего управленія Ункратльскимъ наибствомъ, честный и вѣрный Хаджію возстановилъ противу себя ту худшую и безпокойную часть населенія, которая продолжала въ-тихомолку заниматься грабежами и разбоями: Хаджію строго преслѣдовалъ грабителей и, не щадя, выдавалъ ихъ въ руки русскихъ властей на Кавказѣ. Такимъ образомъ, были сосланы въ Сибирь, за убійства и грабежи, нѣсколько вороватыхъ узденей, пользовавшихся большимъ вліяніемъ среди мѣстнаго населенія. Тогда, оставшіеся родичи сосланныхъ рѣшили избавиться отъ Хаджію и, въ то же время, отомстить ему за ссылку своихъ ближнихъ. Для приведенія своего замысла въ исполненіе, заговорщики воспользовались, однажды, пріѣздомъ Хаджію, по дѣламъ службы, въ одинъ глухой аулъ, гдѣ онъ долженъ былъ переночевать. Передъ разсвѣтомъ, нѣсколько десятковъ горцевъ окружили саклю, гдѣ спалъ Хаджію, и старались въ нее проникнуть; но онъ успѣлъ проснуться—и заперся. Сопровождавшій его конвой, ночевавшій у дверей его сакли и на дворѣ, тотчасъ же разбѣжался—отчасти изъ трусости, а отчасти и изъ сочувствія нападавшимъ,—и мужественный наибъ остался въ саклѣ одинъ одинѣшенекъ: онъ забаррикадировалъ дверь и окно, оставивъ лишь отверстія для ружья, и сталъ отстрѣливаться. Нѣсколько человекъ изъ числа нападавшихъ было имъ, такимъ образомъ, убито и ранено, и это еще болѣе ожесточило разбойниковъ. Наконецъ, Хаджію разстрѣлялъ всѣ, имѣвшіеся у него ружейные патроны... Нападавшіе замѣтили это, и бросились-было къ дверямъ, но два выстрѣла изъ револьвера, почти въ упоръ, положили еще двухъ смѣльчаковъ... Толпа отхлынула, и рѣшила зажечь саклю. Но едва только имъ это удалось, какъ храбрый наибъ, распахнувъ дверь, выскочилъ изъ сакли и, съ обнаженною шашкою въ рукахъ, ринулся въ толпу нападавшихъ... Не прошло и минуты, какъ нѣсколько разбойниковъ были изрублены, но, въ то же время, подъ многочисленными ударами шашекъ и кинжаловъ, палъ и Хаджію,—и толпа, звѣрски умертвивъ его, надругалась, затѣмъ, надъ его трупомъ...

Всѣ виновники этого убійства вѣрнаго слуги русскаго правительства были судимы и сосланы въ Сибирь. Такъ погибъ самый мужественный и храбрый изъ бывшихъ мюридовъ Шамиля и самый преданный ему другъ!...

Мнѣ остается еще сдѣлать нѣсколько поправокъ къ невѣрнымъ свѣдѣніямъ, появившимся о Шамилѣ въ печати. Такъ, напр., въ книгѣ г-жи Чичаговой—«Шамиль на Кавказѣ и въ Россіи»,—авторъ, описывая важное историческое событіе, совершившееся въ Гунибѣ 25-го августа 1859 года, когда имамъ Шамиль отдался въ плѣнъ русскимъ

войскамъ,—говорить слѣдующее: «...Прапорщикъ Узбашевъ прискакалъ отъ графа Евдокимова съ приказаніемъ обезоружить Шамиля. Полковникъ Лазаревъ затруднился исполнить это приказаніе.... такъ какъ обезоруженіе считается у горцевъ большимъ безчестіемъ. Вслѣдствіе такихъ соображеній, полковникъ Лазаревъ рѣшился привести Шамиля вооруженнымъ, о чемъ и донесъ графу Евдокимову». И далѣе: «Князь Барятинскій, находившійся въ полоторѣ версты отъ аула Гунибъ, сидѣлъ въ рошѣ, на покатои горы, на камяѣ. Возлѣ князя стояли графъ Евдокимовъ, переводчикъ и полковникъ Трамповскій, а нѣсколько далѣе вся свита. Князь жалѣлъ Шамиля и въ душѣ благодарилъ Бога, что все такъ благополучно кончилось. Шагахъ въ шести отъ князя, Шамиль останвился. Столь храбрый на войнѣ, онъ теперь струсилъ. Онъ былъ въ зеленой чухѣ и большой бѣлой чалмѣ съ хвостомъ, былъ блѣденъ, губы дрожали, но голосъ былъ твердъ. Робко, пугливо, озирался онъ вокругъ себя, въ полномъ убѣжденіи, что настала минута, когда онъ долженъ разстаться съ земною жизнію....»

Говорить о трусости Шамиля можетъ только авторъ-женщина... Слово «страхъ» было незнакомо отважному и властному повелителю Кавказа,—и если уже, разъ, зашла рѣчь объ этомъ непохвальномъ чувствѣ, то Шамиль скорѣе всего могъ бы заподозрѣть въ немъ тѣхъ, кто такъ желалъ, чтобы онъ предсталъ «обезоруженный»... И ему ли, храбрѣйшему изъ храбрыхъ, пристало бояться «разстаться съ жизнію»,—когда онъ видалъ смерть, лицомъ къ лицу, безсчетное количество разъ—и въ сраженіяхъ съ русскими, и въ междоусобныхъ битвахъ!....

Проживъ двѣ зимы въ Калугѣ—въ то время, когда тамъ жилъ Шамиль,—я и многіе другіе слышали, не разъ, отъ находившагося при особѣ Шамиля, въ качествѣ пристава, А. И. Руновскаго, закаленного кавказскаго воина, что Шамиль говорилъ впослѣдствіи, что онъ рѣшилъ заколотъ себя, на глазахъ князя Барятинскаго, при первомъ оскорбленіи, если бы таковое ему нанесли,—и самымъ, конечно, тяжкимъ оскорбленіемъ было бы отобраніе отъ него оружія... Къ счастью для Шамиля и къ чести для побѣдителей, приказъ гр. Евдокимова не былъ исполненъ.

Въ бытность мою въ Тифлисѣ, въ октябрѣ 1899 года, я видѣлъ въ тамошнемъ военномъ музеѣ «Храмъ Славы» интересную картину перваго представленія плѣннаго Шамиля князю Барятинскому. Чувство невольной жалости къ плѣнному герою вызываетъ въ зрителѣ эта картина... Интересна въ ней, между прочимъ, слѣдующая подробность: почти рядомъ съ вооруженнымъ Шамилемъ, стоящимъ потупивъ голову, виденъ, съ мрачнымъ лицомъ, Голиафъ-горецъ, тѣлохранитель имама, босой, одѣтый въ рваную черкеску и обезоруженный; но отчаянная

рѣшимость видна на лицѣ этого удалца: кажется, что, шевелѣни только его повелитель пальцемъ, или скажи хотя одно слово, — и вся эта блестящая толпа побѣдителей и ихъ свита будутъ моментально снесены съ лица земли... И Богъ вѣсть, конечно, чтò бы произошло, если бы Шамилю показалось въ это время, что ему наносится оскорбленіе...

Вторую, не менѣе серіозную, поправку я долженъ сдѣлать по поводу записокъ пристава Пржецлавскаго, печатавшихся въ «Русской Старинѣ». Между прочими дурными качествами, которыми такъ щедро надѣлили г. Пржецлавскій своего знаменитаго илѣнника, онъ говоритъ, что это былъ жалкій старикъ, слабодушный скряга, и пр. Выдуманность и несправедливость этихъ эпитетовъ, въ примѣненіи ихъ къ Шамилю, столь очевидна, что едва-ли даже и подлежитъ опроверженію. Я могу лишь, относительно мнимаго скряжничества Шамиля, привести слѣдующій фактъ. Его положительная щедрость — т. е. чувство совершенно противоположное скряжничеству — была, во время его жизни въ Калугѣ, такъ убыточна для его семьи и домашнего обихода, что мѣстные власти вынуждены были, по просьбѣ его казначея Хаджію, принять нѣкоторые мѣры къ обузданію назойливости калужскихъ нищихъ, постоянно караулившихъ домъ Сухотина, гдѣ жилъ Шамиль, ожидая его выхода на прогулку. Шамиль имѣлъ обыкновеніе подавать имъ то, что попадалось подъ руку въ его кошелькѣ — была ли то ассигнація, или золотой, или серебряный рубль (бывшіе въ то время въ обращеніи); и когда его спрашивали, зачѣмъ онъ подаетъ такъ много, то онъ, обыкновенно, отвѣчалъ:

— Я не могу подать нищему мѣдную монету, потому что можетъ случиться, что ему въ тотъ день никто другой не подастъ ничего... Чѣмъ же, тогда, онъ будетъ сытъ въ этотъ день?....

Этимъ я и закончу мою настоящую статью, прибавивъ къ ней лишь нѣсколько строкъ о томъ гостепріимствѣ, которое я примѣтилъ и въ сынѣ Шамиля — генералѣ Магометѣ-Шефи. Ужъ кажется, какъ нелегко быть гостепріимнымъ и хлѣбосольнымъ въ номерѣ гостиницы, да еще, напр., въ Кисловодскѣ, на курортѣ, но генералъ Шамиль ухитрился и тутъ подчивать и принимать съ необычайнымъ радушіемъ, при чемъ ему лично приходилось исполнять роль хозяйки — разливать чай, рѣзать хлѣбъ и пр. Или, напр., никакія силы не могли отклонить и уговорить Магомета-Шефи, чтобы онъ не снималъ съ вѣшалки пальто гостя и не подавалъ бы его самъ. На мои укоризны по этому поводу генералъ отвѣчалъ очень серіозно:

— Гость — твой господинъ, а ты — его слуга, — это говорилъ мнѣ покойный отецъ, и я, услуживая вамъ, исполняю, между прочимъ, его завѣтъ и приказъ.

Ив. Захарьинъ (Якунинъ).